

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Юрий ОРЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
факультета подготовки специалистов для подразделений следствия
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article is devoted to the definition and research of political crime and political criminality's nature. It is concluded about the relative nature of these phenomena, which is determined by the initial assumptions of political and legal construct that displays the value of specific actions as political delicts. It is grounded that the basis of political crime's motivation are usually needs in belonging and self-actualization. On the basis of a brief retrospective analysis and contemporary manifestations of unstructured management in the sphere of domestic, regional policy and geopolitics, hypothesis of transformation of political crime's phenomenon from ideological into selfishly motivated with keeping some elements of comprehensive ideology, is argued.

Key words: political crime, motivation, phenomenon, transformation, ideology.

Аннотация

Статья посвящена определению понятия и исследованию природы политического преступления и политической преступности. Сделан вывод об относительном характере явления, которое определяется исходными предпосылками политико-правового конструкта, отображающего оценку отдельных деяний как политических деликтов. Обосновывается, что в основе мотивации политического преступления, как правило, находятся потребности в принадлежности и самоактуализации. На основании краткого ретроспективного анализа и современных проявлений бесструктурного управления в сфере внутренней, региональной политики и геополитики, аргументируется гипотеза о трансформации феномена политической преступности с идеологической в корыстно мотивированную с сохранением отдельных элементов панидеологизма.

Ключевые слова: политическая преступность, мотивация, феномен, трансформация, идеология.

Постановка проблемы. Проблемы политической преступности в последнее время приобретают интенсивные обороты в общественном дискурсе, заполняя своими острыми эмоционально резонансными составляющими все большую часть психологического пространства современного человека коллективных, в том числе и международных, социальных практик. Криминальные злоупотребления, связанные с дисфункцией политических институтов, оказались одними из центральных в порядке злободневных тем и для современной Украины. Следовательно, криминологическая наука не может обойти вниманием наиболее тревожные, угрожающие и в то же время наименее изученные тенденции, закономерности, отдельные явления и процессы, так или иначе связанные с воспроизводством того сегмента криминальной активности, который ставит под угрозу существование государственности как таковой – политической преступности.

Феномен политической преступности, как гносеологическая единица, привлекает внимание исследователей уже достаточно длительное время. Идеи фундаментального и прикладного характера относительно характеристики социально-правовой природы, механизма совершения и детерминации политического преступления

и политической преступности, личности преступника содержатся в трудах таких ученых: А. М. Бандурки, Б. Вассони, С. Вибера, В. А. Глушкова, В. В. Голины, Г. Н. Горшенкова, Л. Н. Дунаевой, В. Н. Дрёмина, П. А. Кабанова, В. В. Лунеева, О. М. Литвака, А. А. Музыки, В. С. Овчинского, А. Л. Сморгуневой, В. А. Шабалина, Д. А. Шестакова, Г. Й. Шнайдер, Т. Р. Янга и других. Однако новейшие проявления криминальной активности в сфере политики требуют формирования адекватного ответа со стороны правоохранительных органов и всего общества, который должен быть сначала надлежащим образом доктринально проработан.

Цель статьи – определить понятие, природу и тенденции развития феномена политической преступности.

Изложение основного материала. Прежде всего следует указать на наличие существенных методологических проблем, связанных с исследованием политической преступности. Сложность заключается в предметной неопределенности указанного понятия, так как политическое преступление – социальный конструкт, который в большинстве случаев визуализируется в плоскости определённой ретроспективы: лишь пройдя очередной исторический этап общественно-политического развития (когда один политический

режим сменяет другой), появляется возможность у современников давать оценку действиям своих предшественников, определять конструктивность или деструктивность их политики по отношению к своему народу, государству, миру. И даже те преступления, которые имеют формально определенные уголовно-правовые признаки в пределах тех, которые посягают на основы национальной безопасности, с течением времени могут изменять свою оценку и даже героизироваться, приобретать благочинный оттенок демократизации, противоборства авторитаризма или криминализованной власти. Впрочем, наличие широкого эмпирического материала исторического формата – общепризнанного и оцененного международным сообществом – дает веские основания делать достаточно репрезентативные выводы, в частности относительно природы политических преступлений, их генезиса, в том числе и в зависимости от идеологических факторов.

Отметим, что в науке не сложилось единой позиции относительно понятия политического преступления. Так, Г. В. Маляр определяет политическое преступление, как умышленное общественно опасное деяние, предусмотренное соответствующими международно-правовыми актами, и/или криминализовано националь-

ным законодательством, которое совершается *по политическому мотиву* (*курсив наш – Ю. О.*) и является одной из противоправных форм борьбы за власть в государстве или на международном уровне [1, с. 5]. Таким образом, ученый выражает понимание политического преступления в контексте двух ведущих его признаков: политический мотив и цель борьбы за власть. Аналогичное мнение выражают также и Д.А. Квон [2, с. 14], В.Дж. Чеймблис [3, р. 187–188]. Такую позицию в целом следует признать достаточно взвешенной. Вместе с тем, остается не до конца понятным, какое же, собственно, содержание так называемого политического мотива (который, кстати, не известен психологической науке). По мнению Г.В. Маляра, политический мотив является *желанием* (*курсив наш – Ю. О.*) лица в противоправный способ прийти к власти, удержать, использовать или повлиять на государственную власть на национальном и/или международном уровне [1, с. 6]. Достаточно проблематичным, с точки зрения научной корректности, кажется отождествление мотива с желанием, ведь последнее является лишь внешним, поверхностным, эпизодическим проявлением мотивационного процесса, а содержательно тяготеет скорее к цели, чем к мотиву. Поэтому желание прийти к власти, удержать, использовать или повлиять на государственную власть выражает процесс и результат целеполагания, который, в своем большинстве, не выражает сущность актуализированной потребности – базовую детерминанту мотивации.

На этом же, кстати, настаивает и сама Г.В. Маляр, указывая, что политическое преступление может совершаться не только с политической (например, установление тоталитарного режима), но и с другой целью (в частности, получить доступ к природным ресурсам другого государства) [1, с. 6]. Следовательно, политический мотив в принципе не может быть возведен к желанию получить, удержать государственную власть в той или другой ее части, а потому и политическое преступление не может описываться исключительно на основе описания политической цели.

Несколько иной взгляд на сущность политического преступления

предлагает А. Тарк, в соответствии с которым преступления являются политическими постольку, поскольку они признаются таковыми существующей публичной властью. Законодательное определение ряда преступлений в качестве политических не будет иметь никакого содержания, поскольку практически любой закон может быть использован властью как оружие для борьбы с непримиримой оппозицией. Криминологи же, указывает А. Тарк, должны сосредоточить внимание не на попытках классификации политических преступлений с точки зрения закона или мотива их осуществления, а на нейтрализацию своеволья власти, которая объявляет обычные преступления политическими [4, р. 43–45]. Не трудно заметить, что ученый стоит на позиции социального конструктивизма и считает целесообразным определять политическое преступление через формирование о нем понятия в законе об уголовной ответственности субъектом политической власти, а не через признание его самостоятельной уникальной мотивационной природы. Идентичная мысль отображена и в трудах С. Шейнголда [5, р. 48–57]. Считаю этот подход более обоснованным, чем предыдущий. Действительно, когда идет речь об оценке характера общественной опасности преступления, выраженного через искусственные юридические конструкции (в том числе и такие, как государственный суверенитет, властные полномочия и тому подобное), нецелесообразным кажется их механическое перенесение на сферу психического, то есть естественного. В противном случае должны констатировать связь между политическими оценками определенной группы деяний как соответствующих преступлений, имеющих место при различных политических режимах и системах позитивного права с принципиальными механизмами мотивации человеческого поведения, что, конечно, является недопустимым. Подобные операции возможно описать в категориях редукционизма. Последний далеко не всегда является оправданной методологической основой, тем более в отрасли обществоведческих, комплексных (антропосоциологических) исследований, к числу которых относятся и криминологические.

Следовательно, *политическое преступление можно, по нашему мнению, определить как предусмотренное законом об уголовной ответственности умышленное общественно опасное деяние, направленное на получение, удержание государственной власти, изменение отдельных ее составляющих (органов, должностных лиц, программы развития, идеологии), а также общественной мысли о функционировании такой власти.* Уголовно-правовая оценка таких деяний возможна исключительно через опосредствованное закрепление отдельных признаков, в связи с чем политичность преступления является скорее его внутренним свойством, чем внешним проявлением. Именно отмеченная выше цель (направленность) наделяет определенное общественно опасное поведение (террористический акт, массовые беспорядки, групповое нарушение общественного порядка) политическим окрасом. И именно последний является тем критерием, используя который, деяния, определенные в законе об уголовной ответственности как преступления, приобретают характер непреступных, общественно полезных при видоизмененном политическом режиме. В подтверждение этого тезиса можно привести известные примеры реабилитации политических заключенных после переоценки значения их деяний и наоборот – наделение признаками преступной деятельности политических лидеров после их отставки, что неоднократно имело место и в советской истории, и в истории независимой Украины. Поэтому, очевидно, сущность политического преступления заключается именно в оценке деяния как такового, которое посягает на отношения властвования, пытаясь внести в них прямо или опосредствованно определённые изменения, совершая уголовно наказуемые деяния против основ национальной безопасности, общественной безопасности и общественного порядка, жизни и здоровья, в сфере служебной деятельности, против мира и безопасности человечества. Конкретная же оценка деяния полностью зависит от системы координат, в которой происходит восприятие и отражение информации о событии преступления как самим виновным, так и посторонними лицами.

В свою очередь отмеченная система координат является ничем иным, как направленностью личности, выражающаяся в соответствующих установках, диспозициях (на индивидуальном уровне) и политическим общественным сознанием (на массовом уровне). Как первое, так и второе основываются на универсальных свойствах психики относительно отражения социально сконструированной, объективной действительности сквозь призму субъективных ценностно-категориальных надстроек сознания и комплекса подсознательного, в том числе и коллективного. В этом контексте политическое преступление предстаёт в качестве конфликта между предлагаемым социальным конструктом (как со стороны субъектов политической власти, так и со стороны их оппонентов) и субъективными возможностями его индивидуального психического восприятия, встраивания в подструктуру диспозиций и дальнейшего отражения, осознания и регуляторного влияния. Сам конфликт может касаться любой из указанных функций психики и иметь следующие вариации:

а) влияние на лицо информацией политического характера искажённого содержания или неизвестного ему значения, в результате чего её восприятие невозможно в истинном значении или же в принципе. Как метко по этому поводу «отмечал» К. Прутков: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий» [6]. Отсутствие надлежащего знания о политической сфере организации общественной жизни у широких слоев населения предопределяет с одной стороны известную степень её закрытости, а с другой – закладывает фундаментальные противоречия, конфликтность политических отношений. Существенный вклад в подпитку дестабилизации политической почвы вносят белые пятна политико-идеологического воспитания в системе образования, распространения социальных мифов о том, что политика – грязное дело и тому подобное. Отдельной проблемой, смежной с указанной, являются умышленная массовая дезинформация о политических событиях, распространение оценок «экспертов», освещающих лишь фрагменты обще-

ственно-политической действительности с предопределённым подтекстом и тому подобные;

б) информация воспринята в истинном её значении, осознана, однако влияет на регуляцию поведения в неадекватном социальном контексте. В таком случае также имеет место конфликт между субъективными ожиданиями и объективными возможностями. В этом случае регуляция поведения происходит с учетом воспринятой, осознанной информации, но для удовлетворения личных потребностей, которые в конкретной ситуации удовлетворяются вопреки параметрам внешнеполитической конъюнктуры, в связи с чем и находят негативную социальную оценку, расцениваются как преступление. При этом стоит заметить, что область политики – это всегда сфера взаимодействия групп населения ради урегулирования общих интересов отдельной части общества (большей или меньшей – вопрос нравственной почвы государственной власти, её справедливости, легитимности) средствами реализации возможностей государственного суверенитета на определенной территории. Поэтому указанные личностные потребности в случае совершения политического преступления всегда так или иначе экстраполируются на потребности групповые, отождествляясь с ними самим субъектом.

Изложенные рассуждения позволяют сделать вывод о том, что мотивация так называемого политического преступления подчинена общим закономерностям психической деятельности. Формирование же условно политического мотива, который не является, по нашему убеждению, самостоятельной гносеологической единицей, находится в плоскости актуализации потребностей, так или иначе детерминированных проявлениями групповой принадлежности личности, распространением своего личного психологического пространства на сферу корпоративных интересов и наоборот. Опираясь на разработанную А. Маслоу иерархию потребностей личности, есть основания утверждать, что базовой потребностью политического преступления (следовательно, и основной его мотива) является потребность в принадлежности и/или самоактуали-

зации. Впрочем, сфера политики является настолько пёстрой, что указанными внутренними характеристиками феномен политического преступления и преступности не ограничивается: существенными оказываются идеологические и корыстные мотивационные элементы.

История знает немало примеров злодеяний со стороны представителей высших органов государственной власти, совершение которых обуславливалось различными побуждениями. И если даже поверхностно проанализировать признанные на сегодняшний день наиболее «громкие» резонансные политические преступления, то можно зафиксировать относительно жесткие связи между трансформацией их проявлений и утверждением тех или иных светских идеологий в основе процесса государственного строительства, а в конечном итоге – полного отказа от них. Так, в числе наиболее известных политических преступников XX века обычно называются А. Гитлер, Б. Муссолини, П. Пот, И. Сталин и некоторые другие. Очевидно, в основе мотивации их длительной преступной деятельности были те или иные мировоззренческие системы, которые связывались с обоснованием справедливого общественного строя, его принципов, роли и стратегии государства в их утверждении. Поэтому ярко выраженными оказались идеологии фашистского или псевдонаучного социально-экономического характера, которые пренебрегали базовыми гуманистическими и естественными принципами. Воспринятая как личная концепция виденья миропорядка, та или иная теория утверждалась политическими лидерами с помощью государственной власти, физическими составляющими аппарата государства – полицейскими, военными возможностями. Процесс психологической самоидентификации преступников указанного типа (условно его можно назвать идейным типом) происходил через государственную власть, её возможности, которые экстраполировались на личностную сферу идеологическими средствами. Этот процесс предоставлял ощущение личной преданности делу государственного строительства, который, однако, приобретал сугубо персонифицированное значение. В этих случаях ра-

циональные механизмы влияния на направленность управленческой деятельности были эффективными лишь тогда, когда они отвечали картине мира, сформированной на идеологических постулатах. Другие же – воспринимались как угрозы личной безопасности, потому и встречали активное сопротивление как во внутренней (в виде репрессий, кадровых чисток), так и во внешней политике.

Несколько иная картина предстаёт при анализе преступной деятельности политических лидеров отдельных государств в 90-х годах XX – начале XXI века – М. Каддафи, У. бен Ладена, С. Милошевича, С. Хусейна и некоторых других. Использование государственно-властных полномочий имело под собой преимущественно корыстную мотивацию, сопровождалось широким использованием агрибутивных мероприятий (пропаганда, поиск внешних «врагов» и их обвинение во внутренних проблемах, использование информационных технологий внушения и тому подобное), направленных на легализацию преступной деятельности.

Таким образом, происходит своеобразное послабление влияния идеологий на политическую преступность, фиксируется переориентация её проявлений на получение сверхприбылей. Для этого же периода характерным является актуализация проблемы политической коррупции, которая также является проявлением стяжательства государственно-чиновнического аппарата, их деидеологизированности. Последнее, однако, уже в структуре современного украинского общественно-политического массового сознания стало одной из основных причин интенсификации угроз национальной безопасности, распространения с конца 2013 года и по сей день преступлений, предусмотренных ст.ст. 109–111, 114, 114–1, 437, 438, 443, 447 УК Украины, которые также возможно отнести к категории политических по критерию особенностей мотивации, связанной со стремлением повлиять на получение, удержание или смену государственной власти, на принятие отдельных решений или действия государственных органов, должностных лиц по причинам принципиальных расхождений в представлении о

векторе общественно-политического развития. Однако, в отличие от корыстных проявлений политической коррупции, политические преступления в Украине со стороны лиц, которые не принадлежат к чиновническому аппарату, являются продуктом информационных технологий, бесструктурного управления в целом как на национальном, так и на межгосударственном уровнях. Не прибегая к детальному обоснованию этого тезиса, что не является целью данной работы, подчеркнем лишь то обстоятельство, что в основе практически каждого из преступлений политической направленности на сегодняшний день в Украине нет политической идеологии как таковой. При определённых обстоятельствах можно вести речь лишь об идеологии-движении (присущей исключительно мотивации весьма ограниченного перечня деяний), которое так или иначе идентифицируется с идеей антикриминализма (которая лишь опосредствованно касается проблемы государственного строительства и не является по определению политической) или же псевдоидеологией защиты этнически и религиозно очерченных интересов отдельных групп населения, что следует рассматривать как последствие мощной дезинформации, интенсивного и широкоформатного влияния инструментов суггестии.

Выводы. Таким образом, полагаем, есть основания вести речь о трансформации феномена политической преступности, мотивированной преимущественно идеологическими факторами в деидеологизированный конструкт с приматом корыстности или другой инструментальной направленности. Исходя из этого, под политической преступностью возможно понимать социально-правовой институциональный феномен, выражающийся в сверхсуммативной совокупности преступных социальных практик в сфере реализации государственной власти с использованием публичных полномочий вопреки интересам большинства общества с целью удовлетворения корыстных узко-корпоративных и/или индивидуалистически политизированных интересов, и/или выполнения тактических, стратегических идеологически обоснованных (окрашенных) задач.

Указанный процесс трансформации представляется закономерным, учитывая исторические метаморфозы идеологической компоненты развития национального, регионального, международного политикума. Однако было бы несправедливым вести речь о полной элиминации идеологически мотивированной политической преступности в современном мире. Последние события, которые сфокусировались вокруг нашего государства и проявились среди прочего в эскалации международной политической напряженности, экстраполированной на национально-региональный уровень, внешнего военного вмешательства во внутренние дела, свидетельствуют о реинкарнации отдельных элементов идеологизированной мотивации политической преступности. Да, история повторяется. Как отмечал Г. Гегель, первый раз – как трагедия, второй – как фарс...

Список использованной литературы:

1. Маляр Г. В. Политическая преступность как объект криминологического исследования : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / Г. В. Маляр. – К., 2010. – 19 с.
2. Квон Д. А. Политическая преступность : проблема концептуализации и актуальные практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / Д. А. Квон. – М., 2008. – 24 с.
3. Chamblis W. J. State-Organized Crime / W. J. Chamblis // *Criminology*. – 1989. – Vol. 27. – P. 183–208.
4. Turk A. Political Criminality. The Defiance and Defense of Authority / A. Turk. – London : Sage Publications, 1982. – 432 p.
5. Scheingold S. Constructing the New Political Criminology : Power, Authority, and the Post-Liberal State / S. Scheingold // *Law and Social Inquiry*. – 1998. – Vol. 23. – P. 48–57.
6. Ширмин Г. И. Мысли заветные К. Пруткова / Г. И. Ширмин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://crydee.sai.msu.ru/Universe_and_us/2num/v2pap15.htm.